

АРХИТЕКТУРА АНТРОПОКОСМОСА, ИЛИ ТРИ ГЛОБУСА ОЙКУМЕНИ¹

А.И. Неклесса
Институт Африки РАН

Аннотация: *Историю можно мыслить ее трансформациями, то есть как сегментированную фазовыми переходами пространственно-временную связность событий. В докладах анализируется транзит мироустройства Современности (эпохи Большого Модерна) к планетарному ансамблю социальных и культурных взаимодействий, определяемому сегодня как Постсовременность. Рассматривается ступенчатый путь истории – три поколения глобальной организации Ойкумены: ее эволюция от имперской колонизации планеты через деколонизацию и всемирное объединение наций к некоему гипотетическому состоянию: обществу постколониальной номадичности с акцентом на персональный суверенитет. Подобный модус бытия, образует динамичное пространство – мир трансграничных антропо-социальных структур (АСС), где резко возрастает витальность системы, умножая богатство планетарных акций и коммуникаций.*

Ключевые слова: *эволюция, история, цивилизация, глобализация, транзит, империя, колониальность, национальное государство, личность, суверенитет, постколониальность, постсовременность.*

Хотя всякое наше знание начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком проистекает из опыта.

Иммануил Кант

1. Эволюция истории: маршрут и протоколы транзита

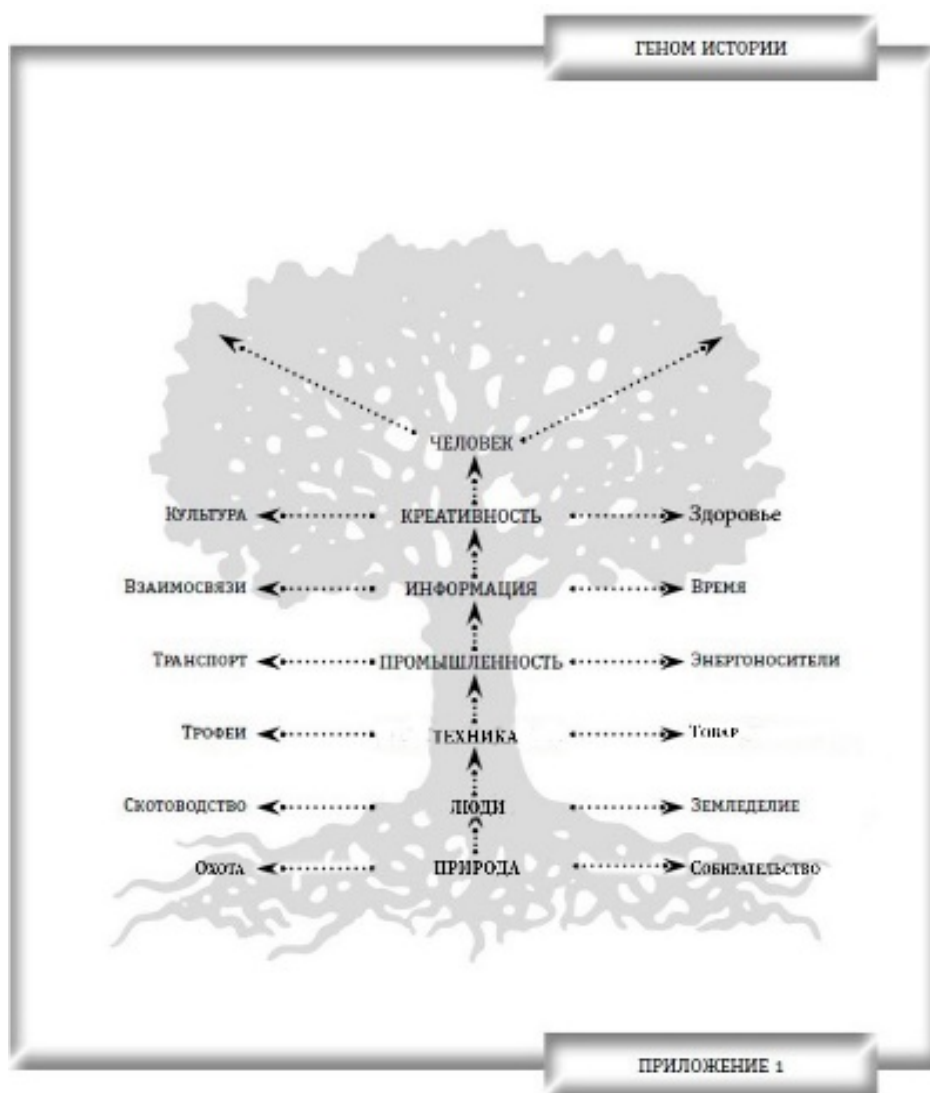
Структура антропокосмоса. Мир сложен, подвижен и упорядочен (*κόσμος*). В русле Большой Истории физический космос и обитаемая вселенная (*οἰκουμένη*) постоянно изменяются, демонстрируя движение, развитие, это процесс умножения видового разнообразия и попыток коэволюции (синергийного взаимодействия). Человечество – открытая, комплексная, динамическая, нелинейная, неравновесная, многофакторная, адаптивная, самоорганизующаяся система. Цивилизация – «ремонтная мастерская» антропологического космоса, она производит и реставрирует предзаданную гармонию, руководствуясь не одним опытом, но

¹ В основе статьи доклады автора на семинаре «Цивилизационный транзит: концептуальные подходы» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва, 23 марта, 11 мая, 21 сентября 2022 г.).

хранящимся в глубинах сознания императивом. Модели ее глобализации – из числа проб и ошибок в опознании, понимании и воплощении идеала.

Целостность истории. История как сумма событий, конфликтов, перемен, возникающих благодаря человеческим эмоциям, мыслям и действиям, свободна в версиях своего проявления. Ее цветущее разнообразие представляют совокупностью последовательных сюжетов в когнитивной и практической деятельности, но последовательность не обязательно линейна, а совокупность – последовательна. Хронотоп, содержание истории как результативно-го становления человеческой вселенной: обретение людьми способности к проактивности; удержание синергичной цельности Ойкумены – обеспечение динамической связности времен и народов; подавление энтропийного инфицирования – блужданий в лабиринтообразных аналогах ситуаций и монотонных репликациях судеб. Это забег на длинную дистанцию, перманентное само-состяжание в опознании сути и воплощении полноты человека, мира, бытия.

Геном истории

Динамика истории. Историю генерируют перемены, демонстрируя открытый и скачкообразный характер процесса, связанный с трансформацией мировидения, преодолением

природных и социальных ограничений, пересдачей карт повседневности, умножением субъектов действия и освоением обретаемой инакости. Накопление плотности цивилизации стимулирует смену «агрегатных состояний» расширяющегося антропокосмоса – подвижного глобуса Ойкумены, аранжируя ритмы прилива и отлива в беспокойных водах развития: *политического* (города-государства – империи – национальные государства – трансграничная политика); *экономического* (изменение принципов и целей домостроительства, рафинирование стратегических ресурсов); *социокультурного* (конкуренция ценностных норм и поведенческих регламентов, гуманизация социума); *антропологического* (освобождение от диктата обстоятельств, обретение персонального суверенитета, социальное пространство как координация */adjustment/* глобальной вязи личных/групповых коммуникаций с планетарным архипелагом локальных терминалов безопасности).

Осмысление истории. История многогранна, она питается изменчивыми помыслами ума и жаром сердец. Существуют различные концепты, толкования, формулы (динамику общества можно измерять, скажем, даже развитием возможностей автодеструкции: исчисленная подобным образом «негативная глобализация» была достигнута приблизительно полвека назад). Из привычных интерпретаций истории в русле «эффектов линейного видения» (Марина Можейко): а) *цивилизационная* – цивилизация осознается как процессуальное понятие, аналог эволюции (архаика – варварство – цивилизация; Древний мир – Античность – Средневековье – Современность – Постсовременность), но и как развитое своеобразие, усложнение культурно-исторических форм; б) *когнитивная* – изменение пространственно-временных координат в ментальных матрицах бытия, смена доминантного режима сознания (рефлекторное – синхронистичное – векторное – синергичное); в) *социальная* (e. g. марксова цепочка формаций «из царства необходимости в царство свободы» к внеэкономическому строю; стадии роста Уильяма Ростоу, etc); г) *модернизационная* – продвижение от традиционного общества к индустриальному строю и далее – постиндустриальному укладу; д) *постколониальная* – путь отрицания универсальной закабаленности человека – состояния колониальности, к деколониальности, суверенизации и индивидуации. Есть также другие светские и теологические прочтения кода перемен и смысла истории.

Процедуры транзита. Транзит совершается, когда сложная и подвижная природа обитаемой вселенной в своей динамике вызывает критическое возмущение, происходит хаотизация прежней и становление новой организации как результат суммы проб и ошибок с неясным прогнозом. Это своего рода *rite of passage* – преодоление пределов прежнего организма, коридор возможностей, фокусируемый странным аттрактором (*tempus est ut praetermictantur simulacra nostra*); в случае успешного прохождения которого растет динамическая сложность системы, раздвигается горизонт присутствия и расширяется сфера воздействий. Результат, в конечном счете, зависит от потенций общества и степени их реализации: способности к самоподдерживающемуся развитию, умения справляться с застоём, рекуррентностями, девиациями, отводя или преодолевая химеричные состояния истории – ее «темные времена» (Типы трансформационных процедур: а) *стохастическая хаотизация* («разбитый стакан»); б) *неоархаизация* («рассыпавшийся песочный замок»); в) *возвратный* («затухающий») цикл («маятник»); г) *автоколебания* (ср. «реакция Белоусова – Жаботинского»); д) *эволюция* («гусеница-куколка-бабочка»); е) *коэволюция* («синергичная согласованность»); ж) *вихревая* («отрицательная») вязкость сложной среды).

Обновление прописей и другой инструментарий. Процессы и ситуации, возникающие во время транзита, отличны от развивающихся в контексте сформировавшихся укладов, будущее не обязательно рассматривать «сквозь призму прошлого». Комплексный характер перехода проявляет себя как дестабилизация и неопределенность. Резко усложняются ситуации, ускоряются процессы, в событиях нарастают признаки турбулентности, что в свою оче-

редь требует корректировки методов и подходов, используемых в социальных штудиях, изменяя и проясняя природу практического знания, расширяя дисциплинарную рамку «окна Овертона» и легитимизируя сопредельные «ультра-»/«инфра-» поля изучаемой феноменологии. Введенные в оборот неклассические инструменты порождают новую объемность исторического и социального знания, чтобы подтвердить его аналитическую состоятельность и прогностическую эффективность.

Прогноз (футур-история). Идеалы и архетипы определяют маршрут истории, стягивая расходящиеся и разбухающие от суммы событий траектории. Постсовременный модус – своеобразная суперпозиция человечества, глобальное поле интерференции индивидуальных «представлений и волей» к их воплощению. Ойкумена совершает цивилизационный транзит к вероятностному состоянию (в своего рода «копенгагенской интерпретации»): неопределенному дуализму государственной и сетевой среды, резонирующему сцеплению локальных географических терминалов и трансграничных волн универсальной коммуникации, эмансипации, индивидуации, обнаруживая и осваивая уникальность. Мир молекулярных антропологических структур образует эволюционное фазовое пространство, где резко повышается витальность системы, умножая богатство глобальных взаимодействий. *«Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула "видит" только своих непосредственных соседей и "общается" только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы "видит" всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает»* [Пригожин 1991]. Мета вселенная за современной линией горизонта может также заселяться, осваиваться интегрированными системами гибридной (*semi-virtual*) природы, образуя альтернативный контур диссипативной глобализации, опознавая «роль нечеловеческих агентов» (Тед Шацки) и приоткрывая мир «опасных сверхсложностей» (Петер Слотердайк).

***Три глобуса Ойкумены: колониальные империи, объединенные нации,
персональный суверенитет***

Ойкумена – эволюционирующий организм, это комплексная система, в своем развитии переживающая ментальные и материальные транзиты [Неклесса 2013а]. Рабочий атлас миропорядка формируется в подвижной среде при взаимодействии ценностей, моделей поведения, целеполагания многих стран, эпох и сообществ. Расширяющееся антропологическое пространство отрицает доминанту сугубо географических координат, замещая их более сложной архитектурой социального космоса. Три фазы глобализации Ойкумены – обретения ею планетарной целостности, это путь от (1) мультиимперской организации мира (его освоения, подчинения, раздела) к становлению (2) системы независимых и объединенных наций; (3) универсализации прав человека, обретению людьми персонального суверенитета.

Пространственная экспансия цивилизаций содержит две коннотации освоения планеты – *колонизация* и *колониализм*: хозяйственное обустройство территорий, их социокультурная культивация vs. политическое господство и экономическая эксплуатация. История нашего времени – переход от колониальности к деколонизации народов; национализации территорий; индивидуации, самостановлению личности. Взаимосвязанные траектории процесса: политическое развитие – экономическая реконструкция – социокультурный переворот. Это также изживание травм от приходящих из прошлого фрактальных волн: ушибов от столкновения эпох и провалов человечества в щели и катакомбы истории.

Колониальные империи

Первая модель планетарной организации – имперская регионализация и глобализация Ойкумены. Подчинение сувереном окружающих стран (имперскость) и колонизация метрополией территорий – аспекты единого процесса властной экспансии. Существуют два типа империй: континентальные (сухопутные, региональные) и морские (океанические, планетарно распределенные). Сухопутные известны с древних времен, на заре же Нового времени, в конце XV – начале XVI вв. экономическое и техническое развитие вкупе с поступательной энергией, инициированной Реконкистой, произвели на свет глобальную европейскую экспансию – эпоху «великих географических открытий». Колонизация на данном этапе реализует себя как обретение господства над заморскими территориями, странами, народами с претензией на универсальное пространственное развитие «империй в водных просторах» (планетарный «сюзеренитет»).

Глобализация театра имперских действий запечатлена в амбициозных попытках регулирования мироустройства – международно-правовом оформлении раздела планеты: от эскизных решений римских пап Николая V и Александра VI до подписания межгосударственных договоров между главными морскими державами того времени – Испанией и Португалией. Так 3 мая 1493 г., вскоре после окончания Реконксты и успешной экспедиции Христофора Колумба, Александр VI проводит меридиональную линию на карте в 100 лигах на запад от островов Зеленого мыса, разделив, таким образом, испанскую и португальскую зоны интересов. Идея подобного разграничения в несколько скорректированном виде была странами принята, и 7 июня 1494 г. они подписали Тордесильясский договор, согласно которому граница прошла в 370 лигах к западу от Азорских островов и островов Зеленого мыса.

Между 20 сентября 1519 г. и 6 сентября 1522 г. Магеллан совершает кругосветное плавание, а в 1529 г. страны заключают Сарагосский договор, по которому демаркационная линия прочертила другую сторону планеты – в западной части Тихого океана, примерно в 300 лигах к востоку от Молуккских островов. В результате Испания получила право на колонизацию практически всей Америки за исключением Бразилии и большей часть Океании, а Португалия – Африки и Азии. В процесс активного освоения планеты включаются другие страны, возникают английская (1600), голландская (1602), французская (1664) и прочие Ост-Индские компании, наделенные обширными привилегиями, включая административные и военные, колониальная палитра становится все более пестрой (действенность же прежних глобальных разграничений была денонсирована актом, подписанным в 1777 г. в Сан-Ильдефонсо). А затем Великобритания перехватывает у прежнего колониального гегемона – Испании, титул империи, «над которой не заходит солнце» (*el imperio en el que nunca se pone el sol*).

Окончательное оформление правил и процедур глобальной имперской экспансии, в частности, введение принципа «эффективной оккупации», состоялось на Берлинской конференции 14-ти стран в 1884–85 гг. Нестроения, связанные с колониальным разделом мира, становятся между тем одним из факторов, приведших к масштабному столкновению интересов – «новой Тридцатилетней войне» (Уинстон Черчилль), а, в конечном счете, – краху имперской модели глобализации. Но у кризиса данной формулы мироустройства были и другие веские причины.

«Более совершенный порядок»

В генезисе альтернативной формулы глобализации существенна роль полисной культуры самоуправления и концептов республиканской власти («перевернутая пирамида монар-

хии»), традиций тираноборчества и флюидов Реформации. Феномен *nation-state*, восприняв опыт древнегреческого народовластного строя (*δημοκρατία; πολιτεία*), римского государственного уклада (*res publica*), коммунальной и муниципальной практики европейских свободных городов, городов-республик, их торгово-политических союзов и асимметричных конфедераций, знаменовал продвижение от доменной и сословной государственности (сюзеренитет) к главенству национального сообщества, утвердив посредством Аугсбургского, а затем Вестфальского мира формальное равноправие стран и принцип национального суверенитета. Нация, «национальное сословие» (*état, state*) становится ведущей формой внешнеполитической субъектности и прообразом социокультурной корпорации: «повседневным плебисцитом» (Эрнест Ренан), а право народа на самоопределение – одним из основополагающих принципов мироустройства. Все это обозначило другой стиль политического бытия, иную меру человеческой жизни.

Так знаменитый акт о «клятвенном отречении», принятый Генеральными Штатами Нидерландов 26 июля 1581 г. (послужив впоследствии образцом для Декларации независимости США), постулировал, что поскольку король Испании не исполнил своих обязанностей перед провинциями, он больше не считается законным правителем на их территориях: «...как Бог не создавал людей рабами правителя, подчиняющихся приказам, независимо праведны те или нет, так и правитель управляет ради подданных – иначе он не может быть правителем <...> Когда правитель ведет себя иначе: угнетает подданных, ища возможности нарушить древние обычаи и привилегии, требуя рабского себе подчинения, тогда он не князь, но тиран, и подданные вправе счесть его таковым» [Неклесса 2013b]. В результате возникла Республика Соединенных провинций.

11 (21) ноября 1620 г. приплывшие в Америку из Нидерландов и Британии пилигримы в соглашении, подписанном на борту парусника «Мейфлауэр», провозгласили: «...настоящим торжественно и со взаимного согласия, перед Господом Богом и перед друг другом обязуемся объединиться в гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка и сохранения, и осуществления вышеуказанных целей; и на основании этого составлять, учреждать и создавать по мере необходимости такие справедливые и основанные на всеобщем равенстве законы, ордонансы, конституции и обязанности, которые будут сочтены наиболее соответствующими и отвечающими интересам всеобщего блага колоний» [Мейфлауэрское соглашение... б/г].

В процессе поиска гражданским политическим сообществом основ и процедур более совершенного порядка, в североамериканских колониях утверждается «буржуазная» («городская») политическая культура – режим представительной демократии, разделение властей, публичность политики. 4 июля 1776 г. делегаты колоний объявляют о независимости от Великобритании («заявляем, что соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми» [Декларация независимости... б/г]). И образуют новую суверенную державу – Соединенные Штаты. А в начале XIX века антиколониальное движение охватывает территории Латинской Америки...

После деколонизации большинства территорий Северной и Южной Америк в США был сформулирован принцип биполярности миропорядка – разделения Ойкумены на Старый и Новый Свет: европейскую и американскую системы государственного управления. Эта коллизия отразилась в доктрине Монро, изложенной 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании Конгрессу президента США Джеймса Монро в ответ на нацеленные на реколонизацию Латинской Америки решения Веронского конгресса Священного союза. Сама же идея объявления американского континента зоной, закрытой для европейской колонизации, принадлежала государственному секретарю Дж.К. Адамсу, и как политическая позиция страны была изложена им в июле того же года. Доктрина декларировала «в качестве принципа, касающегося

прав и интересов Соединённых Штатов, положение, что американские континенты, добившиеся свободы и независимости и оберегающие их, отныне не должны рассматриваться как объект будущей колонизации со стороны любых европейских держав. <...> Политическая система союзных держав существенно отличается в этом смысле от политической системы Америки... Поэтому <...> мы обязаны объявить, что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности» [Подробнее см.: Доктрина Монро... б/г].

Становление и закрепление республиканской и демократической организации государственного строя привело со временем к экспансии идей и принципов суверенизации как политической эмансипации в Старый Свет и в колонизированные Европой земли, пройдя многоступенчатый путь от суверенитета сюзеренов и метрополий к суверенитету наций (вассалитет, подданство vs. гражданство). А через освоение конструкторов Великой французской революции (1789) и «Весны народов» (1848) – к концептам перестройки глобального миропорядка: «14 пунктам» Вудро Вильсона, Атлантической хартии, Уставу ООН и Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Объединенные нации

XX век стал временем деконструкции и континентальных, и морских империй – периодом этатистского шторма и универсальной деколонизации населения планеты. Тяга к пространственному имперскому доминированию замещается устремленностью к историческому лидерству на путях в будущее, а ценностный и политический конфликт (авторитарный «имперский» строй vs. демократия) реализуется в идеологической упаковке. В обращении президента США Вудро Вильсона к Конгрессу от 2 апреля 1917 г., обозначившего экспансию принципов гражданской демократии и отказ Америки от политики невмешательства в дела Старого Света, декларировалось: «Угроза миру и свободе заключается в существовании деспотических государств, поддерживаемых силой, которая всецело подконтрольна их воле, а не воле народов этих государств. При таких обстоятельствах наступил конец нейтралитета. <...> Мир должен стать безопасным для демократии, должен основываться на фундаменте политической свободы. <...> мы будем сражаться за то, что всегда было близко нашим сердцам, – за демократию, за право тех, кто подчиняется власти, обладать правом голоса в своем правительстве, за права и свободы малых наций, за то, чтобы повсюду господствовала справедливость» [Послание Конгрессу США... б/г].

8 января 1918 г. президент представляет Конгрессу заявление о принципах организации послевоенного мира («14 пунктов») как основу для переговоров с целью прекращения войны и создании универсальной системы безопасности. Здесь упомянем о двух из них: «V. Свободное, объективное и абсолютно непредубежденное урегулирование всех колониальных претензий, основанное на строгом соблюдении принципа, согласно которому при обсуждении всех вопросов суверенитета интересы конкретных народов должны учитываться наравне со справедливыми требованиями тех правительств, чьи права надлежит определить. <...> XIV. Путем заключения особых соглашений следует образовать союз государств для обеспечения равных взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности как крупным, так и малым странам» [Четырнадцать пунктов... б/г]. По окончании войны почти все континентальные империи распались, моральные позиции морских оказались подорваны, была создана Лига наций («мировой контракт») – прообраз будущей ООН.

Во втором такте мировой войны, 14 августа 1941 г., президентом США Франклином Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем была обнародована Атлантическая хартия как «большая стратегия» и эскиз послевоенного миропорядка.

В пункте 3 декларировалось «право всех народов избирать форму правления, при которой будут жить, и они желают видеть суверенные права и самоуправление восстановленными для тех, кто был насильственно лишен их». А в пункте 8 – устремленность к миру, по-своему трансцендирующему и национальный суверенитет: глобальному строю, в котором будет реализован институционально гарантированный отказ «от использования силы» [Атлантическая хартия... б/г]. Однако неудача с реализацией концепции универсальной безопасности посредством ООН и ее миротворческих сил предопределила создание в дальнейшем региональных военно-политических союзов.

Вскоре после капитуляции Германии, 26 июня 1945 г. принимается Устав ООН, утвердивший в качестве одной из основ нового мироустройства принцип равноправия и самоопределения народов, обязав колониальные державы «максимально способствовать» развитию населения колоний в направлении к самоуправлению и самостоятельности. А 14 декабря 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам (рез. № 1514) [Декларация о предоставлении... б/г], призванную положить конец колониализму и любой связанной с ним практике сегрегации и дискриминации, подтвердив неотъемлемое право на полную независимость и свободу народов колониальных стран и других самоуправляющихся территорий. Так под зонтиком института объединенных наций как рамочного, символического конструкта *глобализации суверенитетов* апробируется симфония наций. Политический же атлас тех лет представляет новую биполярность, обрамленную разрастающейся мозаикой государств третьего мира.

Стремление к военной территориально-ресурсной экспансии (имперская геополитика) все больше конфликтует с развитием и постепенно замещается распределенной по планете сложной хозяйственной целостностью (транснациональная геоэкономика). Складывается густая, разветвленная сеть конкурирующих взаимосвязей и развивающих взаимозависимостей преимущественно в экономическом пространстве, но не только [Неклесса 2015]. На рубеже 1980/90 гг. с окончанием третьей, «холодной», войны (с отложенным на некоторый срок ее «горячим» эпилогом), распадается идеолого-политический *imperium* на востоке Европы, привнося в мир геополитические неологизмы. Процесс конвертации в современный политический регламент авторитарных изводов и прочих регрессивных фракций рассыпавшихся империй не был, однако, завершен. Ойкумене, подошедшей к новому пограничью, еще предстояло пересмотреть свод прежних правил и претерпеть ряд критических нестроений, пережив чреду острых кризисов.

Синкопированный транзит

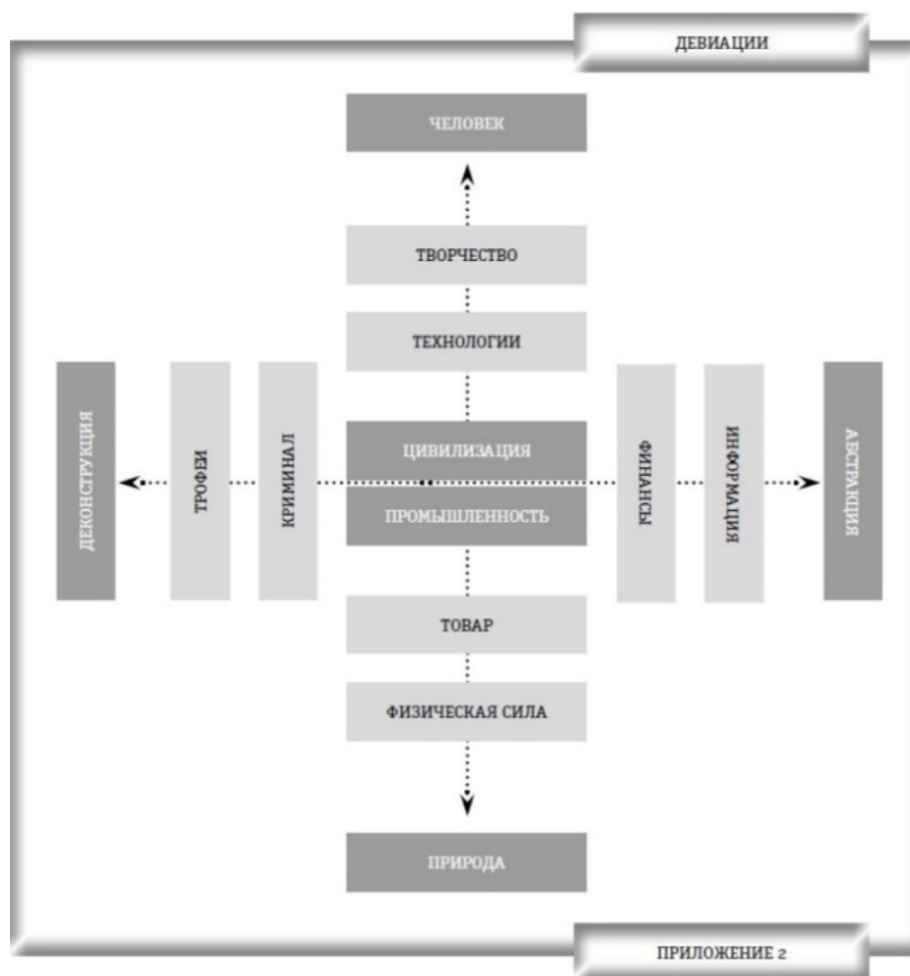
Транзит предполагает трансформации и предчувствует катастрофы. В новом веке по мере модификации обстоятельств, размывания былых ориентиров и утраты прежних мотиваций проявляется структурная сложность исторической ситуации: *со-присутствие* в ней элементов отошедшего, угасающего и обретаемого миропорядка. В незавершенном гештальте Ойкумены ощутима стратегическая неопределенность – плодятся противоречия, фуркации перспективы, рождаются альтернативные мейнстриму зигзаги футур-истории, умножая сценарии оккупации будущего и грядущей судьбы людей [Неклесса 2019].

Цивилизация, купируя экзистенциальные риски, компенсируя срывы, сковывая девиации и предотвращая их рецидивы, пытается сохранить устойчивость в водах ускоряющегося потока, между тем как гражданская конверсия – изживание *внутренней колониальности* совокупностью постколониальных, постимперских стран и народов, по-прежнему представляет проблему. Универсальная нестабильность (*permacrisis*), демонстрируя мозаичные обостре-

ния и спады, но все же удерживаемая в определенных рамках, может оказаться родовыми схватками перманентно подвижного строя, однако обращенные лицом в прошлое «больные люди планеты» и обитатели мирового андеграунда – травматические инклюзии в современном тексте, способны в транзитной сумятице реализовать угрозу глобализации конфликтов с неопределенным прогнозом (ср. с «задачей трех и более тел»). Иначе говоря, скачкообразно расширяться в пространстве и противостоять времени, рискуя превратиться в сумму заболоченных заводей и вязких насыпей, сдерживающих напор истории. Или же стать ее обрывом и поворотным пунктом.

Атлас девиаций транзита («Четыре всадника...»)

Транзит на время распечатывает и приоткрывает бездну. В ментальном товарообороте наших дней импринтинг, суггестия, психодрама и сюрприз все чаще разбавляют аналитику и ее решения, платя дань уважения, намеками и аллюзиями питая, демонстрируя омаж инсайту, провоцирующему действие. Трагедия когнитивных деформаций, расщепленных утопий, перерождения амбиций в нисходящую фантазмагорию, прочие психополитические аспекты инволюционной динамики, дискутируемые сегодня, рефлексировались, начиная с зари европейской цивилизации. Роковая череда событий, ведущих к деструкции, инициируется, гибельным высокомерием, слепой, отрешенной от разума необузданностью, то есть бесчинством (*гибрис*), порождающим общее напряжение системы, окрашивая мир в тревожные тона (*трема*), и чреватым дальнейшим помрачением сознания (*ата*), увенчанным прелест-

ной иллюзией – парадоксальностью *апофении*, влекущей к критической ошибке – *гамартии*, с ужасом осознаваемой впоследствии (*анагноризис*), ведя к *перипетии* (результативности действий противоположной желаемой), а в конечном счете к вскипанию хаоса – *катастрофе*, реализовав, таким образом, возмездие (*немесис*). В силу своей специфики особенно уязвимыми данному «политическому соблазну» (Ханна Арендт) и сопряженному с ним «государственному самоубийству» (Арнольд Тойнби) оказываются мистифицированные, идеологически-ориентированные и авторитарные системы – групповые, социальные, национальные.

Человеческий дух стремится избавиться от обременений прошлого и осмыслить происходящее, устраняя либо амортизируя паллиативы ветхой практики: ее реинкарнации, симулякры, анклавы. Объяввший планету геозкономический/технологический универсум (система антагонистичная по отношению к конфликтогенным автаркиям, нарушающим сложную целостность распределенного множества взаимодействий) испытывает свою способность дать действенный ответ автоокупационным химерам и следствиям неоимперских грез – деспотичной этатизации и ползучей империалистичности, то есть тяге к господству над людьми и пространствами как реминисценциям и субституту былой колониальной гегемонии. Будущие геокультурные и геоантропологические конфигурации видятся в этом «тумане транзита» сквозь непрерывно обновляемую интеллектуальную оптику, смещая с прежних позиций символические порядки современной ментальности и линейной логики (*hic sunt dracones*) [Неклесса 2020].

Мировая архитектура, прозреваемая по ту сторону размываемого штормовым прибоем квази-имперского, этатистского и автоколониального барьерного рифа, переосмысливается и преобразуется. Тектоника пришедших в движение исторических плит – как следствие удара «волны перемен» (Элвин Тоффлер), способна произвести на свет универсальную структуру глобальной связности (*jus gentium*), при которой система международных отношений, взаимодействие локальных терминалов безопасности и трансграничных антропотоков существенно изменится. Сохраняя асимметрию и неравновесность, но подавив рецидивы прошлого, Ойкумена получает шанс обрести динамическую устойчивость, трансформируясь в среду комплексной самоорганизации.

Персональный суверенитет

Формирование гипотетичного полифоничного универсума как трансграничной социальной оболочки планеты, доминирующей (*vox populi*) над цивилизованной политической и экономической системой с ее ячеистыми локальностями – содержание третьей, наиболее сложной модели глобальной Ойкумены. В основе данной формулы миропорядка лежит проблематика индивидуальности, концепция естественных прав на жизнь, свободу, стремление к счастью, публичную декларацию убеждений, сопротивление угнетению и беспрепятственное передвижение, принадлежащих каждому человеку от рождения. А также тезис об увеличении числа чрезвычайно деятельных и все более разнообразных субъектов – акторов, сценаристов, продюсеров, режиссеров сюжетов, реализуемых на планете: шахматных фигур, способных в силу обстоятельств менять предписанную номенклатуру действий. Личность – инструмент этого социокультурного переворота, она же его цель и результат. Цивилизация – прежде всего строй ума.

Социальное преобразование и единение человечества сложнее хозяйственной унификации планеты. Колониальность живуча и фрактальна, в той или иной степени она присутствует во всех общественных конструкциях. Деколонизация индивида – обретение права быть «владельцем собственной личности» (Джон Локк), прошла долгий путь от запрета работорговли и ликвидации рабовладения, отмены крепостничества и отмирания сословности

к кодификации личных и гражданских прав как верификации юридического равноправия, политической и персональной субъектности людей. В постимперский (*постсюзеренный*) период истории это был также путь от *суверенитета государства* к *суверенитету общества* и далее к *персональному суверенитету* как предельной политической реальности – маршрут, отмеченный Биллем о правах (Великобритания, 1689; США, 1791), Декларацией прав человека и гражданина (Франция, 1789), Всеобщей декларацией прав человека (ООН, 1948). Пять «д» гуманизации общества в прошлом и нынешнем веке – ступени его эмансипации: демократизация – деколонизация – десегрегация – право на разнообразие, легитимация инакости (*diversity*) – утверждение личного достоинства (*dignity*). Проблема, однако, в моральной уязвимости человека и в субъективно вероятностном (байесовском) характере многоликого строя.

История между тем расширяется и «разбегается». Просторность вселенского театра действий, пережив этап рамочной глобализации, усложняет симфонию взаимодействий, заполняясь оригинальным системно-модульным контентом (транснациональные АСС-структуры) [Неклесса 2021]. Ускоряется постсовременная/постколониальная динамика, умножаются миграции, инициируя инклюзивный неорегионализм, происходит смешение культур, смещение стандартов, растет ветвистость коммуникаций с различной длинной орбит, плотность насыщения практики, ее манипулятивность, виртуализация и цифровизация. В результате увеличивается пространство состояний, эволюционное разнообразие, интенсивность жизни, рождая пробегающие по миру и преобразующие его волны сложности.

Что принесет в этот глобальный водоворот миллиардный интернациональный прилив, изменяющий современные параметры, разграничения и саму размерность Ойкумены? Сугубый предмет постколониальности – не политический или экономический национализм, но трансграничное бегство от люмпенизации, избавление от искушений коллаборационизма и прочих оскопляющих достоинство обстоятельств, ревитализация и самостояние личности, деформированной социокультурной селекцией в отчуждающей и отчуждаемой среде. Цель – обретение авторской позиции, пытаюсь в условиях «радикальной неопределенности» (Франк Найт, Джон Мейнард Кейнс) утвердить идентичность и определить стезю в русле истории. Дальняя же осмысленная граница (*high frontier*) исхода – слияние многочисленного глобального племени с ренессансными токами воссоздания человека, замыслом его трансмутации (*homo virtuoso*), а в социальном аспекте – продвижение от экспансии идей наподобие синтетического мигриьюда (Шэйлджа Патель) или размытой колористики афрополитизма (Тайе Селаси, Ашиль Мбембе) к молекулярному стилю интеграции: планетарному деколонизированному космополитизму.

Технологии трансформации органичны, «телеологичны» и результативны в лоне породившей и отладившей их культуры, то есть сохраняя связь с соответствующей онтологией, выбор же меморандума и протокола реальности остается в компетенции субъекта. Декополиты, заселяя землю в атмосфере нахлынувшей новизны, изменяя сложившиеся этнические и социокультурные профили наций, влияют на становление постсовременности, ее смыслообразующую субстанцию – начала политической и экономической организации, температур общественных и культурных связей, декларируя нетерпимость к расизму, супремасизму, шовинизму, патернализму, другим формам насилия уничижающих господств и тиранствующих властей, проблематизируя наличные ценности и творя экспрессивные инструменты перемен (*e. g.* культура отмены, убийство репутации, «деньги все-таки пахнут», «другой имеет значение», #MeToo, *etc*). В конечном счете, постколониальность сквозь оптику глобальной деколонизации суть фрактальный извод постсовременности, иначе говоря, постсовременность – это и есть универсальная постколониальность (точнее, они когерентны) [Неклесса 2022].

«История импровизируется» (Александр Герцен), в разбухающей, растекающейся по планете интерлюдии растут возможности психополитической/социокультурной конкуренции и взаимодействия, сложной кооперации обитателей локализованных в земном пространстве географически/политически разделенных территорий и диахронных трансграничных сообществ различного толка. В этой новой «новой нормальности» прогрессирует самоорганизация и самореализация, усиливается субъективизм и волонтаризм распределенного множества размытых источников информации и действия, многоголосие идей и разнообразие методов их воплощения. Жизнь сосредотачивается на кромке истории, создавая портал в глубины внутренних мер и весов, повышая риски поисковой активности, роль нравственных ориентаций и моральной нормативности.

Предчувствие подвижного, «запутанного» миропорядка (*элевтерия*) актуализирует проблему дисперсной власти и тему коэволюции, стимулируя переоценку роли мобилизующего инструментария, социальную капитализацию толерантности, эмпатии подобно уже произошедшей ревальвации интеллекта и таланта. Ставка делается на присущий сложившейся личности потенциал динамической упорядоченности как средства сдерживания энтропии численно растущего, массового общества. Внутренний, «образовавшийся», человек трансцендирует внешние обстоятельства (*sapiens dominabitur astris*), доминантное же состояние душ (вариант *wisdom of the crowd*) влияет на характер обитаемого мира, определяя меру и форму: архитектонику социума как контрапункта космополитичной глобализации – комплексной целостности на основе персонального и соборного суверенитета.

Преобразование внутренней Ойкумены может быть более сложным процессом, чем освоение внешних пространств. Инкубация, становление общества открытой проектности, сгустки («звездные туманности») универсальной общественной власти, ориентированной на персонализированную сложность (взаимно-субъектные/суверенные отношения), динамизм и гуманизацию (аутопозитизм) практики, ее сетевую организацию, предполагают вызревание антропологического конфликта между носителями национального и космополитичного мировидения – людьми, которым свойственен перманентно обновляемый, принципиально неоднозначный стиль жизни (ср. «открытое произведение» Умберто Эко). Линии горизонта в этой эластичной системе координат: трансгрессивная индивидуация, освобождение особенного от гнета всеобщего, уникального от коллективного, личного от публичного. Постсовременный транзит стимулирует развитие синергийных человеческих коалиций – сгустков эволюционного разнообразия конструктивного и деструктивного толка, которые оказываются генетическим материалом нового вселенского организма.

Атлантическая хартия... б/г. Атлантическая хартия. – *История США в документах*. – Доступно: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/atlanticheskaya-hartiya.php>. – Проверено: 09.05.2022.

Декларация независимости... б/г. Декларация независимости. – *Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. – Доступно: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm>. – Проверено: 09.05.2022.

Декларация о предоставлении... б/г. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. – *Российский правовой портал: Библиотека Пашкова*. – Доступно: <https://constitutions.ru/?p=5924>. – Проверено: 09.05.2022.

Доктрина Монро... б/г. Доктрина Монро. – *ХРОНОС: ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ИНТЕРНЕТЕ*. – Доступно: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1823monro.php>. – Проверено: 09.05.2022.

Мейфлауэрское соглашение... б/г. Мейфлауэрское соглашение. – *История США в документах*. – Доступно: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/meyflauerskoe-soglashenie.php>. – Проверено: 09.05.2022.

Неклесса А.И. 2013а. Прыжок лягушки. Кризис мировидения. – *СИНЛА/ИНТЕЛПРОС*. – № 1 (18). – 44 с.

Неклесса А.И. 2013б. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества. – *Полис. Политические исследования*. – № 2. – С. 24–39.

Неклесса А.И. 2015. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике – *Актуальные проблемы экономики и права*. – Т. 9. – № 1 (33). – С. 93–107.

Неклесса А.И. 2019. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – *Полис. Политические исследования*. – № 4. – С. 149–164. – DOI: 10.17976/jpps/2019.04.11.

Неклесса А.И. 2020. Цивилизационный транзит: методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). – *Экономическая наука современной России*. – № 4 (91). – С. 132–146. – DOI: 10.33293/1609-1442-2020-4(91).

Неклесса А.И. 2021. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Пост-модерна. – *Полис. Политические исследования*. – № 5. – С. 39–55. – DOI: 10.17976/jpps/2021.05.04.

Неклесса А.И. 2022. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности: предмет, методология, прогноз. К 70-летию статьи Альфреда Соби «Три мира, одна планета». – *Полис. Политические исследования*. – № 2. – С. 130–144. – DOI: 10.17976/jpps/2022.02.10.

Послание Конгрессу США... б/г. Послание Конгрессу США об объявлении войны Германии. – *История США в документах*. – Доступно: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/war-message.php>. – Проверено: 09.05.2022.

Пригожин И. 1991. Философия нестабильности. – *Вопросы философии*. – № 6. – С. 46–57.

Четырнадцать пунктов... б/г. Четырнадцать пунктов Вильсона. – *История США в документах*. – Доступно: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/chetirnadcat-punktov.php>. – Проверено: 09.05.2022.